
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society

2019. No. 2. P. 43—51

DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.4

Женщина в российском обществе

2019. № 2. С. 43—51

ББК 60.542.2

DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.4

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Е. И. Балдицына^а, И. С. Бакланов^б, О. А. Бакланова^б

^аСтавропольский институт кооперации (филиал),
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
г. Ставрополь, Россия, stavkrokus@mail.ru

^бСеверо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия

Выявлены социально-философские и дисциплинарные особенности современного понимания феноменов «гендер» и «гендерная идентичность», обозначены наиболее эффективные и широкоиспользуемые стратегии их изучения. Установлено, что в современной интерпретации феномен гендера имеет аскриптивный статус и представляет собой определенный культурно-символический конструкт, который общество приписывает индивиду исходя из его биологических особенностей и тех социально-нормативных проекций и стереотипов, которые существуют в данной культуре. Подчеркивается также, что в культуре постмодерна понимание гендера сместилось от статичного к динамичному: гендер как социально-психологическая конструкция пола находится всегда в состоянии становления и изменения, он, несмотря на то что включает в себе ряд деонтических стереотипов относительно своего статуса, столь же подвижен и изменчив, как и само современное общество, и постоянно отвечает на его вызовы.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, пол, гендерный стереотип, культура постмодерна, аскриптивный статус, гендерная теория.

GENDER IDENTITY STUDIES IN THE MODERN SOCIAL THEORY: RESEARCH FEATURES

E. I. Balditsyna^a, I. S. Baklanov^b, O. A. Baklanova^b

^a Stavropol Institute of Cooperation (Branch), Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law, Stavropol, Russian Federation, stavkrokus@mail.ru

^b North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

The article reveals the socio-philosophical and disciplinary features of the modern understanding of the phenomenon of “gender” and “gender identity”, identifies the most effective and widely used strategies for their study. It is revealed that in the modern interpretation the phenomenon of gender has an ascriptive status, a certain cultural-symbolic construct, which society ascribes to the individual, based on its biological characteristics and the socio-normative projections and stereotypes that exist in the culture. It is also emphasized that in postmodern culture the understanding of gender phenomenon has shifted from static to dynamic: gender as a socio-psychological structure is always in a state of formation and change; despite the fact that it contains a number of deontic stereotypes about its status, gender is as mobile and volatile as the modern society itself and constantly responds to its challenges.

Key words: gender, gender identity, sex, gender stereotype, culture of post-modern, ascriptive status, gender theory.

Постановка задачи

Как в российской, так и в западной социальной теории проблемное поле, связанное с исследованием феномена гендера, является без преувеличения одним из самых актуальных, полиморфных и дискуссионных. Разные дисциплинарные объяснительные схемы — философские, социологические, политические, психологические, историко-культурные — без сомнения, проливают некоторый свет на историю вопроса и современное понимание феномена гендера, однако, по-видимому, в данной области до сих пор не сложились принципы гендерного анализа, которые утверждались бы в ней как «стандартные» исследовательские процедуры. Часто можно наблюдать столкновение исследовательских программ не только на уровне подбора методологического инструментария или практических выводов, но и на начальном этапе при выборе ракурса рассмотрения проблемы, определении самых базовых, фундирующих понятий и терминов. Данное обстоятельство вносит в исследовательское поле дополнительную непрозрачность, усложняет и ставит под сомнение позитивный эффект гибридации дисциплинарных исследовательских программ в области гендера. И разумеется, негативно влияет на динамику приращения нового знания о феномене гендера, как фундаментального, так и прикладного.

Некоторую специфику исследованиям гендерного вопроса придает «инструментальность», в большинстве случаев сопровождающая их и задающая своеобразный содержательный контекст политической, феминистской или социально-прикладной, утилитарной направленности. Довольно часто фундаментальность гендерных исследований приносится в жертву прагматичности или решению

узких специализированных вопросов, что не может не сказаться на рефлексивном аспекте гендерной теории. Дисциплинарные проекции феномена гендера, среди которых есть даже весьма экзотические, например техногенные или этноконфессиональные, зачастую не дополняют, а исключают друг друга, поскольку зависят от политического (социокультурного) контекста или интерпретации. Это делает проблематичным перевод результатов исследований в единую объяснительную или методологическую модель гендера. Данную особенность отмечали многие российские и зарубежные ученые, в том числе такой авторитетный специалист, как И. С. Кон, находивший в ней и силу, и слабость гендерной теории. Силу он усматривал в постоянном расширении исследовательского кругозора и в том, что многосторонняя направленность изучения предмета позволяет задействовать большое количество капитальных методологических категорий и стратегий и более детально описать его в различных аспектах.

А слабость он обнаруживал в том, что такое расширение предмета и методов изучения гендера не может не вступать в противоречие с научным принципом постоянного повышения требований к результату исследования, к методологической компетенции ученого «в различных областях научного знания, к умению владеть качественными исследовательскими методами и, наконец, к его гендерной чувствительности (умению увидеть, оценить силу и глубину влияния гендерного стереотипа, отделить собственные интерпретации от дискурса исследования и т. д.)» [Кон, 2001а: 189—190] (см. также: [Кон, 2001b, 2001c]). Перед ученым или философом, изучающим гендерную проблему, постоянно возникает дилемма: отказаться от практической направленности исследования или пожертвовать строгой научной определенностью в доскональном, предельном смысле. И понимая, что в динамике эта дисциплинарная полифония, грозящая перейти в какофонию, все возрастает в связи с увеличивающимся в прогрессии количеством исследований, трактовок, попыток объяснения феномена гендера, ученые часто выбирают второе, оставляя непроясненными фундаментальные вопросы, но четко обозначая свою позицию в ценностном, политическом или ином социально-культурном аспекте.

На сегодняшний день стратегия исследователей в вопросе изучения гендерной идентичности может трактоваться как стремление к определению ясной и непротиворечивой позиции в понимании феномена гендера, которая будет способствовать становлению единой комплексной, целостной и непротиворечивой теории гендера и отвечать не только фундаментальным, но и прикладным задачам в российской и зарубежной гендерной теории. Данное исследование также способствует приближению к достижению этой цели.

Методология исследования

Гендерная теория прошла непростой эволюционный путь от биологизаторских концепций классической социологии к современному междисциплинарному пониманию гендерной идентичности через целый спектр различных социологических и психологических теорий социальных ролей [Сеченова, 2012]. Комплексный обзор этих множественных разнородных дисциплинарных схематизаций гендера требует социально-философской поддержки, так как философия располагает методологическими ресурсами и необходимым концептуальным

каркасом, способным объединить и вместить в себя как научный формат исследования, так и релевантные аксиологические и социокультурные точки зрения на проблему гендерной идентичности. Подобный формат выполняет важное требование междисциплинарности, т. е. сохраняет методологическое преимущество, описанное И. С. Коном, и способствует привлечению в гендерную теорию разнообразного исследовательского инструментария. А также может содержательно дополнять представления о феномене гендера, поскольку он действительно имеет и лингвистические (семантические и семиотические) проекции, и герменевтические, социально-феноменологические, историко-культурные (в том числе мифологические или конфессиональные), политические концепции — феминистские и националистические [Рябов, 2008], нацеленные на борьбу с дискриминацией [Добровольский, Кирилина, 2000: 16].

Первые гендерные теории, возникшие в середине XX в., преследовали цели прямо противоположные сегодняшним, т. е. призваны были научно объяснить гендерное неравенство в обществе и оправдать шовинизм и межполовую дискриминацию. Но несмотря на то что отправная точка гендерных исследований впоследствии претерпела известную инверсию в своем целеполагании, в ней была произведена научная работа, имеющая важное эвристическое и методологическое значение: прежде всего, были сформулированы различия между понятиями «пол» и «гендер». И хотя некоторое время они употреблялись как синонимы, постепенно каждое из них обрело собственную референцию и собственные дисциплинарные расширения. Понятием «пол» стали маркировать физиолого-анатомические типологизации людей, а в понятии «гендер» фиксировать внимание на социокультурном аспекте определения «типично мужского» или «типично женского» [Beeghly, 2015]. «Пол» чаще призван подчеркивать инвариантную характеристику объекта, а «гендер» — вариативную, т. е. социокультурный аскриптивный статус, зависимый от культурных, исторических, ценностных координат общественной жизни. «Пол» и «гендер» не взаимоисключают друг друга, но исследователи отмечают, что, поскольку они моделируют разные наблюдаемые состояния объекта, на антропологическом уровне между ними всегда существует определенный зазор, зависящий от культурной интерпретации биологического пола человека и нормативного определения его полоролевых функций. И этот зазор постоянно расширяется за счет индивидуального выбора.

В понятии «гендерная идентичность» еще больше заметен фокус внимания на подвижности — аскриптивности (и даже индивидуальной конституируемости) полоролевого статуса, его психологического, нормативного и культурно-символического наполнения, возникающего на пересечении многочисленных уникальных антропологических и типичных социальных признаков [Alcoff, 2000]. В результате методологической и эвристической дивергенции понятий пола и гендера последнее обрело довольно самостоятельный, автономный корпус дескрипций и предикаций, направленных на различение «мужского» и «женского» в человеке вне зависимости от биологического пола.

В русском языке понятие «гендер» не имеет релевантной референции и на сегодняшний день все еще повсеместно синонимизируется с понятием

«пол». Понятие «гендер» было позаимствовано из американской и европейской гендерной теории, в которой его проработка позволила выстроить данное понятие как комплекс, состоящий из трех основных характеристик: биологической, нормативной, культурно-типологической. Последняя отвечает по большей части за гендерные стереотипы, т. е. «устойчивые, укоренившиеся в массовом сознании представления о целесообразности доминирования женщин в приватной сфере, а мужчин — в публичной, в том числе политической сфере» [Хасбулатова, 2001: 17]. А нормативная часть (так называемый гендерный дисплей) за нормы взаимодействия мужчины и женщины в конкретной культуре [Карелова, 1999: 14—16].

Являясь разновидностью и особым типом стратификационного подхода (осмысливающим неравенство женского и мужского в обществе), гендерный подход в своей гносеологической динамике проходит ряд трансформаций, в результате которых осуществляется поворот от бытия к становлению. О гендере говорят уже как о феномене не статичном, а постоянно становящемся, развертывающемся и несущем в себе способность к изменению. И если на индивидуальном уровне возникает образ постоянно меняющейся и ускользающей гендерной идентичности, то в социальных и групповых теориях, напротив, гендер превратился в одну из фундаментальных характеристик, ставших междисциплинарными и порождающими собственный дискурс и специфическое проблемное поле.

Особенностью постмодернистской гендерной теории явилось то, что в своем содержательном истолковании гендера она перенаправила его в сторону коммуникации и начала понимать не просто как набор существенных символических признаков, атрибутивных полу, но как коммуникативный феномен, фиксирующий асимметрию полоролевого поведения в группах, а также в общественном сознании женщин и мужчин. Концепция гендера как феномена межличностной коммуникации рассматривает гендерную идентичность в качестве специфического символического медиума, в котором кодируются и проходят своеобразную символическую обработку культурные формы представлений о «женском» и «мужском» как элементах социального порядка [Del Pinal et al., 2017]. В современных концепциях разрыв категорий «пол» и «гендер» преодолевает биологический детерминизм, т. е. снимает с повестки бывший некоторое время актуальным вопрос об их иерархии (приоритетности пола) и взаимной детерминации, основанной на естественном половом диморфизме. Постмодернистская теория гендера по-своему учится преодолевать это двойственное, «параллаксное» представление о гендере, указывая на него и разрывая корреляцию биологических половых и символических гендерных признаков, в результате чего эти категории начинают обретать собственную жизнь в науке и философии [Blum, 2004].

Результаты исследования

Обобщая сказанное, можно предположить, что современное определение гендера ближе всего к его пониманию в динамическом аспекте, т. е. гендер рассматривается как феномен, сочетающий в себе биологические и социально-психологические характеристики индивида и имеющий проекцию в конкретной культурно-исторической среде. В таком определении «гендер» очень близко подходит к понятию «гендерная идентичность», в котором,

помимо указанного, подчеркивается особенность гендера возникать в результате гендерной социализации, процесса нормативной адаптации человека к аскриптивному статусу женщины или мужчины, и усвоения культурных полоролевых паттернов гендерного поведения [Knobe et al., 2013].

Как системная характеристика социальной организации гендер «постоянно воспроизводится в структурах сознания и в структурах действия и взаимодействия» людей [Шишлова, 2013: 150], и коммуникационная сфера непрерывно воссоздает этот многослойный и многоаспектный социокультурный, психологический и политический феномен в самых разных нормативных измерениях и аксиологических вариациях.

Современная гендерная теория содержит в своем основании два важных положения: во-первых, гендерная идентичность атрибутируется индивиду обществом (группой) через ценности и нормы культуры, в этом случае культура выступает в качестве символического медиума и выглядит как сложная деонтическая система норм и правил, предписанных человеку, обретающему гендерный статус. Во-вторых, этот приписанный статус не абсолютен, современный индивид четко рефлексировывает собственную ответственность за него на всех этапах, начиная от гендерной социализации, когда обсуждаются правила желательного и нежелательного полоролевого поведения, и заканчивая ситуациями прямого бунта против гендерного статуса, с которым индивид себя не ассоциирует. Это значит, что «гендерный статус» и «гендерная идентичность» как соответственно социальная и индивидуальная характеристики одного и того же феномена гендера могут не совпасть. В этом случае в сознании человека возникает внутриличностный конфликт, выливающийся в желание изменить сами нормы или свой статус. В таких конфликтах, если они становятся масштабными и вовлекают в себя многих людей, происходит не только слом старой организации, но и рождение новых норм и ценностей, так или иначе отражающихся на гендерном порядке всего общества [Бакланов и др., 2014: 78].

Из этого следует, что механизм, отвечающий за гендерную динамику, имеет два взаимосвязанных, но вместе с тем относительно самостоятельных уровня — уровень институтов и социальных структур, с одной стороны, и уровень индивида и его антропологического мира — с другой. Они, при своей несомненной корреляции, безусловно, обладают достаточной автономией и различной аксиологической направленностью для того, чтобы определяться на уровне индивидуального осознания.

На сегодняшний день можно предполагать, что соотношение этих уровней будет продолжать изменяться в сторону возрастания «удельного веса» индивидуального самоопределения. Уже существуют самые разные теории, наделяющие человека правом полного самоопределения в гендерном вопросе и планирования перспектив самореализации в гендерном статусе [Baklanov et al., 2015: 2216]. Эти теории, несомненно, дискуссионны и неоднозначны, истинность их предположений будет проверяться временем. В российском обществе еще не наработаны ни методологическая база, ни социальный запрос для дискуссий и социальных экспериментов подобного рода. Однако нужно отметить, что при этом постепенно складываются условия для формирования гендерного

дискурса, во многом похожего на западный, но обладающего самобытной российской проблематикой и собственным опытом решения гендерных проблем, накопленным в течение XX в., дискурса, имеющего как политическое, так и социокультурное измерение.

Библиографический список

- Бакланов И. С., Бакланова О. А., Лопата В. В. Специфика конституирования гендерной идентичности в современном обществе. Ставрополь: Ставроп. гос. аграр. ун-т, 2014. 169 с.
- Добровольский Д. О., Кирилина А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания: сборник статей / сост. А. В. Кирилина. М.: Рудомино, 2000. С. 19—35.
- Карелова Г. Н. Гендерная адаптация: структурные и процессуальные аспекты анализа исследования: дис. ... д-ра филос. наук. М., 1999. 242 с.
- Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире: лекция 1 // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2001a. С. 188—208.
- Кон И. С. Маскулинность как история: лекция 2 // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2001b. С. 209—228.
- Кон И. С. Российский мужчина и его проблемы: лекция 3 // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2001c. С. 229—242.
- Рябов О. В. Гендерное измерение национализма: методологические проблемы исследования // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 2. С. 42—51.
- Сеченова Е. Г. Гендерная идентичность в фокусе современного научного дискурса // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1. С. 86—91.
- Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 17—24.
- Шишлова Е. Э. Гендер как инновационный научный и философский дискурс // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 148—152.
- Alcoff L. M. On judging epistemic credibility: is social identity relevant? // On Judging Epistemic Credibility: Is Social Identity Relevant? / ed. by N. Zack. New Jersey: Wiley-Blackwell, 2000. P. 235—262.
- Baklanov I. S., Baklanova O. A., Goncharov V. N., Erokhin A. M., Kolosova O. Y. Ontological status and valuable determination of social norms and normative systems // The Social Sciences (Pakistan). 2015. Vol. 10, iss. 9. P. 2216—2220.
- Beeghly E. What is a stereotype? What is stereotyping? // Hypatia. 2015. Vol. 30, № 4. P. 675—691.
- Blum L. Stereotypes and stereotyping: a moral analysis // Philosophical Papers. 2004. Vol. 33, № 3. P. 251—289.
- Del Pinal G., Madva A., Reuter K. Stereotypes, conceptual centrality and gender bias: an empirical investigation // Ratio. 2017. Vol. 30, № 4. P. 384—410.
- Knobe J., Prasada S., Newman G. Dual character concepts and the normative dimension of conceptual representation // Cognition. 2013. Vol. 127, № 2. P. 242—257.

References

- Alcoff, L. M. (2000) On judging epistemic credibility: is social identity relevant?, in: Zack, N. (ed.), *On Judging Epistemic Credibility: Is Social Identity Relevant?*, New Jersey: Wiley-Blackwell, pp. 235—262.
- Baklanov, I. S., Baklanova, O. A., Goncharov, V. N., Erokhin, A. M., Kolosova, O. Y. (2015) Ontological status and valuable determination of social norms and normative systems, *The Social Sciences (Pakistan)*, vol. 10, iss. 9, pp. 2216—2220.
- Baklanov, I. S., Baklanova, O. A., Lopata, V. V. (2014) *Spetsifika konstituirovaniia gendernoi identichnosti v sovremennom obshchestve* [The specifics of the constitution of gender identity in modern society], Stavropol: Stavropol'skiĭ gosudarstvennyi agrarnyi universitet.
- Beeghly, E. (2015) What is a stereotype? What is stereotyping?, *Hypatia*, vol. 30, no. 4, pp. 675—691.
- Blum, L. (2004) Stereotypes and stereotyping: a moral analysis, *Philosophical Papers*, vol. 33, no. 3, pp. 251—289.
- Del Pinal, G., Madva, A., Reuter, K. (2017) Stereotypes, conceptual centrality and gender bias: an empirical investigation, *Ratio*, vol. 30, no. 4, pp. 384—410.
- Dobrovolskiĭ, D. O., Kirilina, A. V. (2000) Feministskaia ideologiya v gendernykh issledovaniyakh i kriterii nauchnosti [Feminist ideology in gender studies and scientific criteria], in: *Gender kak intriga poznaniia*: Sbornik stateĭ, Moscow: Rudomino, pp. 19—35.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender stereotypes in political culture: the specifics of the Russian experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—24.
- Knobe, J., Prasada, S., Newman, G. (2013) Dual character concepts and the normative dimension of conceptual representation, *Cognition*, vol. 127, no. 2, pp. 242—257.
- Kon, I. S. (2001a) Meniaiushchiesia muzhchiny v izmeniaiushchemsia mire: Lektsiia 1 [Changing men in a changing world: Lecture 1], in: Malysheva, M. M. (ed.), *Gendernyi kaleidoskop: Kurs lektsii*, Moscow: Academia, pp. 188—208.
- Kon, I. S. (2001b) Maskulinnost' kak istoriia: Lektsiia 2 [Masculinity as a story: Lecture 2], in: Malysheva, M. M. (ed.), *Gendernyi kaleidoskop: Kurs lektsii*, Moscow: Academia, pp. 209—228.
- Kon, I. S. (2001c) Rossiiskii muzhchina i ego problemy: Lektsiia 3 [Russian man and his problems: Lecture 3], in: Malysheva, M. M. (ed.), *Gendernyi kaleidoskop: Kurs lektsii*, Moscow: Academia, pp. 229—242.
- Riabov, O. V. (2008) Gendernoe izmerenie natsionalizma: metodologicheskie problemy issledovaniia [Gender dimension of nationalism: methodological problems of research], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Gumanitarnye nauki, iss. 2, pp. 42—51.
- Sechenova, E. G. (2012) Gendernaia identichnost' v fokuse sovremennogo nauchnogo diskursa [Gender identity in the focus of contemporary scientific discourse], *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 86—91.
- Shishlova, E. Ė. (2013) Gender kak innovatsionnyi nauchnyi i filosofskii diskurs [Gender as an innovative scientific and philosophical discourse], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 1, pp. 148—152.

Статья поступила 27.03.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Балдицына Елена Ивановна — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, Ставропольский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Ставрополь, Россия, stavkrokus@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Humanities and Natural Sciences, Stavropol Institute of Cooperation (Branch) of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Stavropol, Russian Federation).

Бакланов Игорь Спартакович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, baklanov72@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Philosophy, North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russian Federation).

Бакланова Ольга Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, Mikeewa@yandex.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation).